

БОРИС ПУГАЧЕВ

СОВРЕМЕННАЯ САГА

Школа обмана

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П88

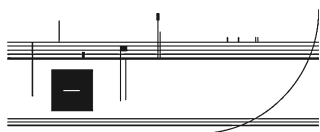
Пугачев, Б.Л.

П88 Школа обмана / Борис Пугачев. – М.: 2012. –
544 с. (Современная сага).

ISBN 978-5-271-37485-2

Эта книга о судьбе тех, кто не носил малиновых пиджаков, но тоже жил и выживал в эпоху перестройки. Главный герой, пытающийся приспособиться к новой стране, находит в себе силы подниматься после многочисленных провалов, банкротств и разочарований. Но можно ли выстоять после предательства того, кому доверял как себе? Книга Бориса Пугачева об эпохе, которую все чаще вспоминают с ностальгией. А это чувство - лучшее лекарство от сегодняшней действительности.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Все преимущество иметь деньги
заключается в возможности ими
пользоваться.
Б. Франклин

Родик полулежал на случайно обнаруженном неогороженном настиле, устроенном против всех правил эксплуатации судов в носовой части речного трамвайчика, уже несколько часов медленно кружившего по мутным водам Москвы-реки.

Знакомые московские пейзажи сменяли друг друга. Впереди показался метромост, и речной трамвайчик стал неуклюже разворачиваться, чтобы начать новый круг. Родик, опасаясь выпасть за борт, переместился на палубу и принялся разглядывать металлические конструкции, с незапамятных времен обвешанные разнообразными строительными приспособлениями. Некоторые из них оставались здесь еще с той поры, когда Родик учился в институте. Почему метромост постоянно ремонтировали, являлось одной из московских загадок. Катание же на трамвайчике было обязательной составляющей весенней сессии. Сдав зачет или экзамен, студенческая компания Родика сперва отмечала это событие в кафе около института, а потом перемещалась в Парк культуры. Нагулявшись, садились на трамвайчик и доплывали до пристани у гостиницы «Россия». Оттуда пешком через Красную площадь шли на улицу Горького в знамени-

тое кафе «Московское», где в непроглядном сигаретном дыме наслаждались вермутом «Заря» и доводили свое и без того пьяное состояние до той степени, когда кажется, что все вокруг прекрасно, а ты — центр этого прекрасного. Порой «Московское» заменялось арбатским кафе «Метелица», и тогда пешая прогулка начиналась на пристани у Киевского вокзала.

С наступлением эры частного предпринимательства Родик получил возможность брать речной трамвайчик в аренду на целый день и превращать его в плавучий ресторан. Так он отмечал многие события.

Сегодня презентовали совместное с американцами предприятие, в котором Родик был одним из учредителей. Несмотря на субботу и хорошую летнюю погоду, располагающую к дачному времяпрепровождению, гостей набралось много. Торжественная часть недавно закончилась, и гости позволили себе расслабиться. Одни, уже изрядно выпив, шумели в каютах, другие, разбившись на группки, курили и что-то обсуждали, облюбовав корму с широкими скамейками. Родик предпочел уединиться. Настроение его было отнюдь не праздничным. Ему, организатору и инициатору этого мероприятия, вообще не хотелось приходить сюда. Такое состояние вызвали недавние события, о которых в их небольшом коллективе знал лишь он и еще один учредитель совместного предприятия — Григорий Михайлович Айзинский.

В беззаботной атмосфере праздника Родик с особой остротой почувствовал, что в очередной раз потерял самое для себя ценное — человеческие отношения. По опыту последних лет он понимал, что последствия не замедлят сказаться, и рано или поздно разрушится все то, о чем сегодня сказали так много хороших и пафосных слов.

А произошло следующее... Григорий Михайлович, когда настал момент распределять портфели в руководстве совместного предприятия, ультимативно потребовал, чтобы Родик отказался в его пользу от должности генерального директора, которую по праву должен был занимать. Взамен Айзинский предлагал гарантии по сохране-

нию капиталов и режим благоприятствования при проведении внешнеэкономической деятельности, что и так подразумевалось. При этом он недвусмысленно намекнул на проблемы, которые постарается создать одна из могущественных силовых государственных структур. Это была угроза.

Родик с самого начала общения с Григорием Михайловичем подозревал, что тот либо является сотрудником, либо как-то связан с такой структурой.

Когда они познакомились, Григорий Михайлович уже был директором совместного предприятия. Родик влился в это предприятие в качестве хозрасчетного подразделения. Тогда и возникло некое мифическое «правление», решения которого считались для всех обязательными.

Вскоре подозрения Родика получили вполне реальные подтверждения. Однако, взвесив все «за» и «против», он подумал, что это не вредит общему делу, а с учетом опыта и знаний Григория Михайловича даже может послужить положительным фактором. Для себя Родик решил соблюдать нейтралитет. И до описываемых событий проблем не возникало, хотя Григорий Михайлович периодически делал попытки втянуть Родика в сферу деятельности «правления». На этот раз, вероятно, что-то затронуло интересы «правления», и Григорий Михайлович был вынужден после отказа Родика сотрудничать с ним пойти на столь крайние меры. Родик сперва поразился, а потом согласился. Мысль о том, что он просто струсил, пришла позднее и с каждым днем мучила его все больше, а сегодня она трансформировалась в уверенность, что празднуется не начало совместной деятельности, а неизбежность ее краха.

Перед мысленным взором Родика калейдоскопом картинок прокрутилась пафосная торжественная часть, успешно прошедшая под руководством Григория Михайловича, уже официально избранного генеральным директором. Черный смокинг, бабочка, перстень и запонки с бриллиантами, которые, как показалось Родику, он специально демонстрировал, придавали всему действию театраль-

ную нереальность. Это нервировало Родика до появления черных кругов в глазах. Все усугубилось, когда слово взял американский учредитель Дэвид Сандлер, не вызывавший у Родика (да и у остальных сотрудников) положительных эмоций. Он, сверкая лысиной и временами поглаживая себя по округлому животу, обтянутому неизменной жилеткой, с дореволюционным еврейским акцентом восхвалял американские ценности, ссылаясь на события из жизни знаменитых людей Нового Света. Казалось, его речи не будет конца, как вдруг он перешел на расписывание достоинств своего племянника Бори Центнера, ставшего, по его настоянию, председателем правления совместного предприятия. Боря, будучи скромным и интеллигентным человеком, смешался, покраснел и по давно знакомой Родиду привычке начал передвигать очки по длинному и тонкому носу. В этой, по сути номинальной, должности Боря не нуждался. Он был всецело поглощен биохимической деятельностью, материальное и техническое обеспечение которой создавал Родик в рамках своего сначала кооператива, а потом товарищества с ограниченной ответственностью.

Далее выступил второй американский учредитель, имя которого Родик постоянно забывал. Этот безликий человек выучил за все время пребывания в Москве только одно русское слово — «спасибо» и, вероятно, понимая проблему языкового барьера, максимально сократил свою речь, хотя Григорий Михайлович и осуществлял синхронный перевод. Завершил он выступление передачей металлической печати, изготовленной специально для совместного предприятия в министерстве финансов США и предназначенной для скрепления особо важных документов. Родик до этого ознакомился с ее нехитрой конструкцией, позволяющей при сведении рукоятей оставлять на бумаге замысловатое тиснение. Григорий Михайлович, с манерным движением приняв печать, взял со стола салфетку, достал свой любимый золотой «Паркер», расписался, указал дату, сделал оттиск и гордо продемонстрировал это гостям.

Сидящий рядом с ним его заместитель и член правления совместного предприятия Михаил Абрамович Братцев, всегда успешно развивающий мысли своего начальника, откуда-то извлек копию свидетельства о регистрации и, проделав с ней те же манипуляции, пустил листок по кругу, предложив всем оставить автографы. Идея понравилась, повисла шуршащая пауза, которую Григорий Михайлович заполнил оглашением состава учредителей совместного предприятия с указанием их административных обязанностей. Родика, не привыкшего попадать на вторые роли, тем более в обмен на собственные деньги и усилия, это совсем расстроило, и он тихо покинул каюту, чтобы наблюдать за дальнейшим с палубы.

Торжественная часть успешно завершилась и начался банкет. Похоже, отсутствия Родика никто не заметил, либо все решили, что он вышел по необходимости. Это дало ему возможность справиться с нахлынувшими эмоциями, и он вернулся к застолью. Вскоре Григорий Михайлович, вероятно истосковавшийся по любимой сигарилле, объявил перерыв.

Родик, воспользовавшись этим, хотел было уединиться, но кто-то приобнял его за плечи. Он с досадой обернулся и увидел глупо улыбающегося Сашу Углова — друга детства, а сейчас своего заместителя и тоже учредителя совместного предприятия. Около года назад Родик пригласил его к себе на работу и дал помимо хорошей зарплаты небольшую долю в уставном капитале.

Саша был заметно пьян, что случалось с ним всегда, когда он умудрялся выйти из-под контроля жены. Его состояние выдавали блуждающая по породистому лицу улыбка, включенные кудрявые волосы, которые он любил ворошить после каждой выпитой рюмки, а также неестественно выпрямленная спина.

— Ну ты и нализался. Светка увидит — убьет, — заметил Родик и с подвохом спросил: — Где она?

— Не могу знать, — не почувствовав подвоха, пьяно ответил Саша. — Может, за борт упала. Ну ее к черту. Надоела...

— Ну ты и осмелел. Иди в каюту, а то не ровен час дей-

ствительно выпадешь за борт, — беря Сашу под руку, посоветовал Родик.

— Не хочу. Давай лучше с тобой здесь выпьем, — доставая из внутреннего кармана пиджака початую бутылку водки, предложил Саша.

— Тебе достаточно, а я не в настроении. Вон за столом Юрка сидит. Он всегда готов выпить. Пошли, я тебя к нему пристрою.

— С Юркой пить не буду. У него все разговоры о ювелирке и о том, кому на Руси жить хорошо. Розенблат, одним словом... Я и без него знаю, что не нам... Хочу с тобой пообщаться. Друг ты мне или нет?

— Уговорил. А из чего пить будем?

— Как в детстве — из горла. Помнишь наш чердак...

— Помню... Начинай...

Однако вместо того, чтобы выпить, Саша вдруг резко выбросил бутылку за борт и уставился куда-то вдаль. Родик удивился, но в следующий момент все понял. В проходе между каютами появилась, заполнив, казалось, все пространство своими формами, Сашина жена Света. Глаза ее недобро горели. Родик, зная чем это кончится и не желая в очередной раз становиться виновником семейной ссоры, быстро ретировался в единственно возможном направлении.

Так он нашел это укромное место в носовой части речного трамвайчика, где можно было спокойно поразмышлять о том, что происходит в последнее время...

С начала своей коммерческой деятельности Родик пережил много удач и разочарований. Из успешного советского ученого, доктора наук он, изменив многие убеждения, превратился в достаточно жесткого коммерсанта, хотя до сих пор в нем шла борьба с самим собой — бывшие ценности сталкивались с новыми и конфликтовали. Однако Родик считал, что научился находить компромиссы и достигать требуемых результатов. Практика подтверждала это, но тут вдруг все начало разлаживаться, и он никак не мог выявить основную причину потрясений. Проблема с совместным предприятием не была

чем-то особенным. Она вполне укладывалась в цепочку событий, неуклонно ведущих, по убеждению Родика, к краху всего, что он создавал прежде, жертвуя для этого очень многим.

За прошедший год Родик заработал немало. Он даже мог называть себя валютным миллионером. Это позволило ему без особого ущерба для производства сконцентрировать на счете более полумиллиона долларов для внешнеэкономической коммерции. Проведя анализ рынка, Родик решил закупить в Китае пуховики и заняться их продажей в Москве. Две недели назад он через Внешэкономбанк произвел стопроцентную предоплату контракта. Однако деньги до сих пор не дошли, и китайцы сообщили, что вынуждены ликвидировать заказ. Это ломало всю схему реализации и сулило огромные финансовые потери. Первый блин грозил получиться комом.

Пуховики необходимо было получить не позднее сентября, иначе не избежать паузы в межсезонье, а это заморозит деньги почти на год. Родик сочинил длинное письмо, являющее собой смесь гарантийных обязательств и критику мировой банковской системы. К нему он приложил копии платежных документов с гербовыми печатями и какие-то цифры телеграфных авизо, предоставленных ему банком. Большого он сделать не мог. Через несколько дней от китайцев пришел ответ, что реквизиты авизо ими проверены, но денег по таким реквизитам не отправлено. Тон письма был неприятным. Родик, взяв с собой главного бухгалтера Валентину Петровну, понесся на Плющиху в банк. В банке царила напряженная атмосфера, Родик почувствовал это, только переступив порог. Людей было непривычно много. Они кучковались и что-то обсуждали.

Не удовлетворившись заверениями начальника отдела, Родик потребовал встречи с управляющим отделением банка. Разговор оказался странным. Управляющий, с одной стороны, заверял, что деньги отправлены, а с другой — пускался в путаные объяснения о длинной цепоч-

ке платежей, порядке расходования валюты и о сложностях молодого валютного рынка страны. При этом он часто употреблял специальные термины, и Родик, не выдержав, позволил себе заявить, что, по его мнению, банк просто использует его деньги для своих целей. Он потребовал проведения проверки по всей цепочке платежей, настаивая на том, что телеграфный перевод не может идти так долго. Управляющий, прекратив сыпать терминами, дружелюбно улыбнулся и заверил Родика в том, что все необходимые проверки будут срочно сделаны и оснований для беспокойства нет. Покинув его кабинет, Родик наткнулся на группу людей, шумно обсуждающих аналогичную проблему. Извинившись, что вмешивается в чужой разговор, он спросил, надолго ли задержан их платеж. Оказалось, что их деньги идут уже более двух недель. По предположению этих людей, возникли какие-то принципиальные проблемы с иностранными банками или готовится новый закон, в преддверии введения которого банк задерживает валютные платежи. Беспокойство Родика возросло. Он обзвонил всех знакомых, деятельность которых хоть как-то была связана с валютными операциями, и констатировал, что ничего нового узнать не удалось...

Воспоминания оборвались, душу затрестило новое чувство. Родик не сразу его распознал. Он никак не мог смириться с тем, что у него вырвали средства для решения задачи. Может быть, навсегда. Разум предлагал подождать, а натура противилась этому. Тут он впервые за всю сознательную жизнь ощутил беспомощность.

Ему вдруг стало неуютно на ранее нравившемся настиле. Захотелось общения. Вероятно, началась какая-то защитная реакция. Родик встал и направился в каюту.

Воздух каюты, пропитанный запахами от небранного стола, человеческого пота, табачного дыма и чего-то специфически корабельного, показался ему омерзительным. Захотелось домой. Он подумал, что банкеты на корабле — не самый лучший вариант. Из ресторана можно в любое время уйти, а здесь ты — добровольный заложник, и вы-